

ПОПЫТКИ КЛАССИФИКАЦИИ РАССКАЗОВ Ф. СОЛОГУБА

ATTEMPTS TO CLASSIFY
STORIES F. SOLOGUB

Tang Jing

Summary. This article aims to highlight the existing attempts to classify the stories of Fyodor Sologub on the example of the most striking works of his art. The paper also attempts to comprehend the reason for the complexity of the classification of the writer's stories through the prism of complex interactions of philosophical and artistic techniques and methods in his works.

Keywords: Sologub; stories classification; January story genre; tales; sentimental novel; symbolism; Russian literature.

Тан Цзин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com

Аннотация. Данная статья ставит цель осветить существующие попытки классификации рассказов Федора Сологуба на примере наиболее ярких произведений его творчества. В работе также дана попытка осмыслить причину трудности классификации рассказов писателя через призму сложного взаимодействия философских и художественных приемов и методов в его творчестве.

Ключевые слова: Сологуб; классификация рассказов; январский рассказ; сказки; сентиментальная новелла; символизм; русская литература.

Федор Сологуб является одной из самых таинственных личностей в литературе. Лев Шестов, философ и современник Сологуба, охарактеризовал его творчество следующим образом: «Вся его поэзия — неподвижное, хотя и страшно напряженное созерцание одной точки». Ведущий исследователь поэзии символизма Д. Е. Максимов в 1970-х годах определил Сологуба как художника «позиции», а не художника «пути». Связано это с тем, что основные мотивы его творчества, поэтики и репертуара оставались неизменными, впрочем, как и внешность поэта.

Творчество, художественное мировоззрение и поэтическая личность Сологуба сформировались не только под влиянием новейших на то время «декадентских» явлений в искусстве, но и под воздействием биографических факторов детства и юности писателя. Первые критики творчества Сологуба акцентировали внимание на естественное для писателя декадентское мирозерцание, будто бы полученное им при рождении: «Декадентство Сологуба с ранних его веских шагов по литературному пути было ... живым внутренним процессом» (А. Волынский). Помимо этого, неоспоримым фактом является постоянное присутствие элементов автобиографии в произведениях писателя. Для наиболее глубокого понимания автора, его художественного мира, следует ознакомиться с его биографией.

Творчество Сологуба в современном литературоведении анализировали Е. Б. Тагер, В. Орлов, С. П. Ильев, З. Г. Минц, Л. А. Пермякова, Н. Г. Пустыгина, М. И. Дикман и другие.

Типология прозы Сологуба выстраивается на основе идеи синтеза различных художественных способов,

принципах воссоздания мира и человека в пределах одного произведения. Происходит сближение литературы с философией с помощью формирования особого типа стиля, образности и художественного мышления. Творчество Сологуба дает возможность говорить об экзистенциальной традиции в русской литературе XX века. Вместе с этим, экзистенциальное сознание создает универсальную эмоциональную доминанту: одиночество, кризисность, катастрофичность бытия, страх и смерть.

В настоящее время исследуются проблемы философской и мировоззренческой проблематики творчества писателя, так как это тема одинаково привлекательна как для литературоведов, так и для философов. Например, писатель и кандидат философских наук О. О. Козарезов анализирует идею мира и человека в творчестве Сологуба через призму бога и дьявола, вопроса жизни и смерти. В литературоведческом аспекте И. Ю. Соловьева, давая творческую характеристику Сологубу, исследует художественные взгляды писателя и влияние на них концепций Шопенгауэра. А. Н. Долженко отмечает воздействие на творчество Сологуба экзистенциальных идей С. Кьеркегора на примере его романа «Тяжелые сны».

Сущность творчества писателя Сологуба подразумевает его анализ с обращением к философии как основе его произведений. Писатель создает в своем творчестве единое особо философско-художественное пространство. Сологуб, как и многие символисты, соединял взгляды традиционных восточных и европейских религий и мистических учений со взглядами новейшей философии, исследуя бессознательные природные механизмы творчества, его волшебную природу, синтез разных искусств с применением его в собственном творчестве.

Многие понятия философии и эстетики Сологуба были заимствованы напрямую из философских систем. Неомифологическая природа творчества писателя заставляет выделить те культурные и философские элементы, которые оказали влияние на его философию и отражались в текстуальной форме в его творчестве.

При обращении к художественной системе писателя следует опираться и на его философскую концепцию потому, что философские категории, разрабатываемые Сологубом в его произведениях и статьях и обретающие форму различных символов таких, как имена и мифы, зачастую возникают без дополнительных пояснений и комментариев, являясь органичным звеном его творчества (например, Ананке, Айса, Лилит). А. Ханзен-Лёве отмечает: «Нередко теоретический текст представляет собой прямое продолжение поэтического, так что не без основания можно говорить о своего рода «лирическом теоретизировании», в котором теоретические термины (религиозные, научные, поэтологические и др.) становятся поэтическими символами. В этой связи иногда используется понятие термины-символы» [8]. Появляется некая отсылочная структура философских и художественных текстов, отсылающих друг к другу и иным философским системам. Атмосфера и культура времени серебряного века выковала неповторимый тип писателя-философа, который руководствовался художественными законами в процессе познания. Самонаблюдение писателя по поводу процесса своего собственного творчества позволяет связывать с ним философские его построения, что также во многом обусловлено символизмом, отличающимся особым авторским и читательским менталитетом и являющимся одним из философско-стилевых течений модернистской направленности. Символизм предполагает манифестативность как одно из средств взаимодействия. «Ты философствуешь, как поэт,» — эту цитату из писем Достоевского Сологуб использовал в качестве эпиграфа к одной из своих работ. Рассмотрение философской концепции Сологуба в качестве писателя-теоретика символизма не имеет большого смысла без обращения к его творческой практике, так как концепция не является самодостаточной. По мнению М. Бахтина: «каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, вырождается и умирает» [4].

И. Жирковой выделяются некоторые жанрово-стилевые разновидности рассказов Сологуба, объединенных в сборники. В анализе Жирковой были затронуты вопросы мировоззрения и стиля Сологуба. И. Жиркова предлагает тезис о «двумерности» рассказа со сжатой реалистической экспозицией, но с постепенно растущей из «реалистических» мотивировок символичностью в качестве одного из типов рассказов. По мнению исследова-

тельницы, концепт «роковой двуязычности мира» определяет двуплановость всех уровней художественного целого рассказов писателя: от замысла содержания и композиции до стилистических элементов в произведениях. Сологубовский мир — мир подлинно сконструированных и взаимосвязанных антиномий. Использование термина «реалистический» в кавычках в ее работе подчеркивает специфичность его употребления.

Жанровая интерференция не позволяет дать объективные жанровые обозначения. Сам Сологуб называл новеллами и рассказами (с дополнительными определениями «сентиментальная новелла», «январский рассказ») те произведения, которые содержат в себе мотивы сказки.

Жанр таких произведений Сологуба как «Красногубая гостья» или «Венчанная» не обозначен, но жанровые интенции вырисовываются достаточно отчетливо.

Федор Сологуб обычно сам давал своим рассказам жанровое определение. «Дикий бог», «Чудо отрока Лина», «Ёлкич», «Снегурочка», «Мудрые девы» «Отравленный сад», относил к рассказам, а «Царицу поцелуев» и «Очарование печали» — к новеллам. Иногда Сологуб сопровождал жанровое определение некоторой вспомогательной характеристикой: «Ёлкич» — январский рассказ, «Очарование печали» — сентиментальная новелла.

Берегулева-Дмитриева, составитель сборников сказок и новелл серебряного века, включила вышеупомянутые произведения и «Красногубую гостью» в раздел «сказок». «Красногубая гостья» начинается стилизованным зачином («Хочу ныне рассказать о том, как спасён был в наши дни некто, хотя и мало достойный, но всё-таки брат наш, спасён от злых чар ночного волхвования словами непорочного Отрока»), сменяющимся повествованием о вполне обыденной жизни обыкновенного человека, который «бывал везде, где бывают обыкновенно все». Обыкновенная жизнь нарушается ненамеренным знакомством с девушкой, которая оборачивается «прекрасным вампиром» — Лидией Ротнгейт, представляющая себя как Лилит. Имена героев и их мотивы, а также время и место действия дают возможность отнести «Красногубую гостью» к жанру мистической или фантастической новеллы, очень популярному жанру конца XIX века.

Мотив борьбы божественных и демонических сил в душе героя смыкается с притчей. В жизнь героев Сологуба вторгается сказка, но также быстро покидает («Так в жизнь человека вошла сказка» — «Ушла из жизни сказка и не вернулась»), оставляя его жизнь в прежней обыденности, выступая в качестве вводного эпизода в произведении. В «Ёлкич» сказочный и новеллистический

сюжет развиваются самостоятельно, связываясь лишь финалом и взаимодействуют на уровне персонажа, являющегося фольклорным. Проводя попытки установить границу жанра между новеллой и сказкой символистов, можно сделать вывод, что в новелле фантастические элементы подвергаются оценке и сомнению, а в сказке они являются безусловной частью.

Сюжеты своих прозаических произведений Сологуб довольно часто связывает с важнейшими христианскими праздниками — Рождеством, Пасхой, при этом жанр рождественского и пасхального рассказа ему не свойственен. Редким исключением, имеющим счастливый финал, является рассказ «Белая мама» (1898).

Мифологическая символика рождества выравнивает жизнь и смерть, находя для человека приемлемое соотношение. В некоторых произведениях писателя рождественские мотивы выполняют организующую роль и выводят сакральное осмысление поднимаемых проблем на новый уровень. Более очевидно это прослеживается в рассказах «Рождественский мальчик», «Ёлкич» и ранее упомянутая «Красногубая гостья».

Широко используемый прием Сологуба — это помещение в центре рождественской новеллы встречу с обитателями иного мира, при которой происходит обмеривание символами, что может выражаться в подарках или пролитии крови.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературно-эстетические концепции в России конца ХI. -начала ХХ века. М., 1975.
2. Аблаев М. М. Межтекстовые отношения романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»: Дискурс Священного Предания // Русская литературная критика серебряного века. Новгород, 1996. С 49–52.
3. Амроян И. Ф. Типология цепевидных структур. Тольятти. 2000.
4. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества //Собрание сочинений, т. 1. М: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003 (6).
5. Иванов В. Две стихии в современном символизме / По звездам. СПб., 1909.
6. Ишанова А. К. Жанровоопределяющие признаки сказки и притчи // Народная и литературная сказка. Ишим, 1992.
7. Кулюс С. К., Гофайзен М. А. Идеи Шопенгауэра в русской литературе ХIХ ВЕКА (тезисы научной конференции) // Литературный процесс и развитие русской культуры ХVІІІ–ХХ вв. / Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде — Таллинн, 1985.
8. Хазен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Хазен-Лёве. — М., 1999.

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова